

2. Люди - странные существа

Итак, все происходящее происходит между нами: и это «между», как указывает его собственное название, не имеет ни собственного наполнения, ни континуальности. Оно не ведет от одного к другому, оно не составляет ни ткани, ни скрепляющего раствора, ни моста. Возможно, даже не вполне верно по отношению к нему говорить о «связи»: оно не связано, но и не свободно (*delie*), располагаясь по эту сторону того и другого или даже находясь в самом сердце связи, подобно узелку, связывающему нити, концы которых остаются разделенными. «Между» - это растяжение и дистанция, открытые благодаря единичному как таковому, как его смысловое опространствование.

От одного единичного к другому пролегает смежность, которую не следует понимать как непрерывность. Можно говорить о приближенности, но в той мере, в какой крайняя близость указывает на отрыв, ею самой производимый. Всякое сущее соприкасается с другим сущим, но закон касания - это разделение и даже больше - разнородность соприкасающихся поверхностей. Контакт находится за пределами полноты и пустоты, за пределами связанного и свободного. Мели «войти в контакт» означает начать представлять смысл друг для друга, это «вхождение» ни во что не проникает, ни в какую промежуточную «среду» и посредника. Смысл не представляет собой среду, в которую мы были бы погружены: нет между-местья (*milieu*), есть либо одно, либо другое, одно и другое, одно с другим, но ничего от одного к другому. Поскольку это последнее было бы чем-то еще помимо одного или другого (иной сущностью, иной природой, врожденным или смутным общим понятием). От одного к другому есть синкопированное повторение начал-мира, которые всякий раз являются либо одним, либо другим.

Начало - это утверждение; повторение же есть условие утверждения. Я говорю: «Это есть то, что есть». Это не «факт», и это не имеет ничего общего ни с какого рода оценкой, это защита, возводимая некоторой единичностью в ее утверждении бытия: прикосновение к смыслу. Это не иное бытие, это единичное бытия, благодаря которому сущее есть, или бытия, которое есть сущее в переносном смысле слова (смысле неслыханном, неслышимом - самом смысле бытия). Прикосновение к смыслу вовлекает свою собственную единичность, свою отличительность - и множественность этого «всякий раз» всех подобий смысла, как моих, так и чужих, каждое из которых является в свою очередь моим в соответствии с единичной очередностью своего утверждения.

Итак, с самого начала смысл требует повторения прикосновения к смыслу. Это повторение, будучи совершенно разнородным, несоизмеримым, усугубляет, от одного касания к другому, неустранимую чуждость. Иное начало ни с чем не сопоставимо, не ассимилируемо, оттого что оно есть начало и прикосновение к смыслу, а не оттого что оно просто «другое». И даже

более: инаковость иного - это его изначальная смежность с «собственно» началом. Ты совершенно чуждый, поскольку мир начинается в свою очередь с тобой.

Мы говорим: «Люди - странные существа». Эта фраза представляет собой одну из наших наиболее постоянных рудиментарных онтологических характеристик. Действительно, она говорит о многом. «Люди» - это все те другие, без исключения, обозначенные как совокупность популяций, племен, рас, из числа которых, следовательно, исключает себя говорящий. (Впрочем, он исключает себя довольно специфическим образом, поскольку данное обозначение является столь общим, что неизбежно возвращается к говорящему. Коль скоро я говорю, что «люди - странные существа», я некоторым образом включаю себя в эту странность).

Выражение «люди» не совпадает в точности с хайдеггеровским *Man* [5], даже если и является отчасти его модализацией. В случае с *Man* не всегда понятно, включает ли себя говорящий в анонимность неопределенно-личной конструкции. Например, я могу сказать «мне сказали» или же «говорят, что», или же «вот как это делается»: эти употребления неэквивалентны, к тому же необязательно, что всякий раз это именно «*Man*» говорит за себя (от себя и о себе). Со своей стороны, Хайдеггер обращается лишь к рассмотрению такого «*Man*», которое было бы произнесено как ответ на вопрос «кто», заданный субъекту *Dasein*. Он не задает другой вопрос, тем не менее неизбежный, относительно того, кто дает этот ответ и кто, отвечая так, исключает самого себя или стремится исключить. Тем самым он рискует пренебречь тем фактом, что нет безусловной неопределенно-личной конструкции, в которую «собственно существующее» было бы просто-напросто погружено.

«Люди» ясно обозначает ту модализацию неопределенно-личной конструкции, посредством которой я себя исключаю, причем на этот раз, похоже, забывая или пренебрегая тем фактом, что я сам являюсь частью «людей». Всякий раз такое игнорирование происходит не без признания тождественности: «люди» так же ясно выражает, что все мы являемся людьми, то есть, без различий, личностями, «человеками», общим видом. Это, однако, такой вид, чье существование не может быть никаким иным, кроме как многочисленным, рассеянным, неопределенным в своей общности. Это существование схватывается только лишь в парадоксальной одновременности всей совокупности (анонимной, запутанной, массивной) и рассеянной сингулярности («люди»: всякий раз это тот или иной человек, или, как мы говорим, «тип», «девушка», «ребенок»).

«Люди» - это не анонимный гул толпы, это одновременно нечеткие и своеобразные силуэты, намек на голос, схемы поведения, наброски чувств. Но всякий раз что есть чувство, как не набросок, голос, как не намек на голос? Что такое единичность, как не собственное «самопроявление», как не своя собственная неминуемость, неминуемость «собственного» или «собственное» само по себе как неминуемость, всегда задетая, всегда затронутая: раскрывающаяся помимо, всегда только помимо. (Существует выражение «быть не в себе»: комизм его неслучаен, скрывает он обеспокоенность или же выпускает на волю смех неведения - речь всегда идет об избегании, об опустошении наиболее близкого, о странности, предчувствуемой как само правило).

Исключение или дистинкция, посредством которых «я» себя отграничиваю, говоря «люди», переносятся мною столь же смутно на любого(ую). Вот, видимо, почему люди часто выносят суждение «люди - странные существа» или «люди - невероятные существа». Речь не идет только лишь или же прежде всего о стремлении (впрочем, очевидном) возвести в норму наш собственный габитус. Следует выявить более примитивный регистр данного суждения, в котором постигается не что иное, как единичность как таковая. От лица до голоса, жестов, реакций, манеры одеваться, поведения - каковы бы ни были «типичные» черты, всегда столь широко распространенные, - все подчеркивают свое отличие с внезапной поспешностью, в которой сконцентрировалась инаковость единичности. Без этой поспешности просто «некто» не возник бы. И точно так же ни для кого не возникло бы ни интереса, ни враждебности, ни желаяния, ни отвращения.

«Некто» здесь следует понимать в том смысле, в каком говорят «это точно он(а)», рассматривая фотографию, и выражают этим «точно» соединение разрыва, соответствие несоответствующего, относящееся только к мимолетному схватыванию момента, который есть в точности не что иное, как свой собственный разрыв. Фотография, я имею в виду обычную, банальную фотографию, раскрывает одновременно единичность, банальность и наше любопытство по отношению к другому.

Принцип неразличимости приобретает здесь решающую остроту. Дело не только в том, что все люди разные, но в том, что они все отличаются друг от друга. Они отличаются не от архетипа или чего-то общего. Типичные черты (этнические, культурные, социальные, возрастные), собственные схемы которых со своей стороны составляют другой регистр сингулярностей, не только не отменяют единичные различия, но заставляют их выйти наружу. Что касается единичных различий, то они являются не только «индивидуальными», но инфра-индивидуальными: я никогда не сталкиваюсь с Петром или Марией, но всегда с одним или с другой в такой-то «форме», в таком-то «состоянии», в таком-то «настроении» и т. п.

Этот весьма незаметный слой нашего повседневного опыта содержит рудиментарную онтологическую характеристику: действительно, то, что мы получаем (скорее, нежели воспринимаем) с сингулярностями - это незаметное протекание других начал мира. То, что здесь представляет себя, изгибается, склоняется, извивается, обращается, отказывается — от новорожденного до покойника - это, прежде всего, не «близкий» или «другой», или «чужой», или «похожий»: это начало, это утверждение мира. И нам известно, что у мира нет другого начала, кроме этой единичной множественности начал. Мир всегда возникает всякий раз посредством уникального, здесь-и-сейчасного (*locale-instantanee*) оборота событий. Его единичность, уникальность и целостность состоят в комбинаторике этой сетчатой множественности, не имеющей завершения.

Без этого не было бы никакого первичного засвидетельствования существования (*Vexistence*) как такового, то есть не-сущности и не-бытия-самим-по-себе (*nonsubsistance-par-soi*), что составляет основу бытия-собой. Вот почему недостаточно хайдеггеровского «*Man*» в качестве изначального схватывания экзистентной «повседневности». Оно заставляет смешивать повседневное, с индифферентным, анонимным и статистическим. Эти последние не менее важны, однако они могут конституироваться лишь в отношении с

дифференцированной сингулярностью, которой уже является само по себе повседневное, каждый день, каждый раз, изо дня в день.

Невозможно утверждать, что смысл бытия должен показываться исходя из повседневности и начинать с отрицания принципиальной дифференцированности повседневного, его непрестанно обновляемого разрыва, внутренней несогласованности, его полиморфности и полифоничности, рельефности и пестроты. «День» - это не просто единица счета. Этот виток мира, всякий раз уникальный, и есть само различие, и дни, все дни, не могли бы быть похожи, если бы они прежде всего не были бы различны. И точно так же «люди», или скорее, (конкретные) «люди», с той нередуцируемой несхожестью, которая и конституирует их как таковых, сами являются прежде всего выставлением уникальности, в силу которой существование существует, нередуцируемо и первично; проявлением уникальности, которую опыт наделяет правом общения с целокупностью сущего или соотносением с ней. «Природа» также «странна», и мы существуем в ней и с ней как постоянно обновляемая единичность, будь то единичность разнообразия или несхожести наших ощущений или же единичность приводящего в замешательство обилия ее видов, или единичность ее превращений в «технику». И тогда вновь в отношении всего сущего мы говорим о странности, чуждости, курьезности, обескураженности.

Темы «удивления» и «чуда бытия» вызывают подозрение, если отсылают к экстатической мистике, претендующей на уход от мира. Тема «научного любопытства» не в меньшей степени подозрительна, если отсылает к увлеченности коллекционера раритетов. В обоих случаях желание казаться исключительным предполагает пренебрежение к обыденному. Видимо, подлинно современное осознание этого мучительного парадокса мышления, настоящим благом для которого является неслыханное, в то время как привычной средой - серость мира, принадлежит прежде всего Гегелю. Обыденная серость, незначительность повседневного, еще более подчеркиваемые хайдеггеровским «Map», предполагают, что есть некое отсутствующее «величие», утраченное или далекое. И все же истина не может быть ничем иным, как истиной сущего в целом, то есть в целокупности его «обыденного», подобно тому как смысл не может быть ни в чем ином, кроме как в существовании, а не где-то еще. Современный мир требует осмыслить эту истину: что смысл (именно здесь. Он - в бесконечном многообразии начал и в их со-существовании. «Обыденное» в нем всегда является исключительным, хотя мало кто осознает его оригинальность. То, что мы воспринимаем обычно как «странность», и есть та самая характерная черта. В обнаженности существования и в соответствии со смыслом мира исключение есть правило. (Разве не об этом же свидетельствуют искусство и литература? Разве не является первейшим и, возможно, единственным предназначением их существования, самого по себе странного, демонстрировать эту странность? Наконец, в самом происхождении слова «странный» (bizarre), баскском или арабском, мы обнаруживаем доблесть, величественность и элегантность).

Версия #4

Зверобой создал 14 февраля 2026 17:50:18

Зверобой обновил 19 февраля 2026 11:54:18